

Е.И. Зейферт

ORCID: 0000-0001-8117-7091

Москва, Россия

E-mail: elena_seifert@list.ru

УДК 82:81

DOI 10.26170/ufv20-01-03

МЕТАФОРА И ИДЕОГРАММА КАК ЛИМИНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МЕЖДУ ДОСЛОВЕСНЫМ И ПОСЛЕСЛОВЕСНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация. Автор статьи считает, что произведение продуктивно исследовать с учётом категории «дословесное». Дословесное – категория мышления и интуитивного прозрения, используемая для характеристики свойств элементов литературного произведения, относящихся к стадии его создания до словесного воплощения (дословесной стадии) и возможному естественному или искусственному сохранению части из них в тексте. В тексте могут бытовать ставшие словесными дословесные элементы. Метафора и идеограмма – одни из наиболее сильных индикаторов проявления дословесных элементов в тексте, они являются лиминальными элементами между дословесным и словесным в тексте. Естественное присутствие в метафоре и идеограмме дословесных элементов делает восприятие тропов сильнее. Один из важнейших дословесных элементов в произведении – изображённый в нём непостижимый центр, возникающий при создании идеограммы (он редко показан словесно, потому что является дословесным). Другой дословесный элемент, который может оказаться в тексте, – это «промежуточное» метаболы. Овеществление метафоры в процессе рецепции происходит при реализации метафоры. Дословесное озарение автора также проявляется, когда метафорические объекты обмениваются признаками друг друга. Метафора и идеограмма становятся рубежными, лиминальными элементами между дословесным и словесным в произведении. Автор статьи стремится приблизиться к постижению присутствия дословесного в произведении, делает шаги на пути решения этой задачи.

Ключевые слова: метафора, идеограмма, лиминальность, граница, дословесное.

E.I. Seifert

Moscow, Russia

METAPHOR AND IDEOGRAM AS LIMINAL ELEMENTS BETWEEN PRE-VERBAL AND POST-VERBAL IN WORKS

Abstract. The author of the article believes that the product is productively investigated taking into account the category of “pre-verbal”. Pre-verbal – a category

of thinking and intuitive insight used to characterize the properties of elements of a literary work related to the stage of its creation to the verbal embodiment (pre-verbal stage) and the possible natural or artificial preservation of some of them in the text. The text may have verbal elements that have become verbal. A metaphor and an ideogram are some of the most powerful indicators of the manifestation of pre-verbal elements in a text; they are liminal elements between pre-verbal and verbal in a text. The natural presence in the metaphor and ideogram of pre-verbal elements makes the perception of tropes stronger. One of the most important pre-verbal elements in a work is the incomprehensible center depicted in it, which occurs during the creation of an ideogram (it is rarely shown verbally because it is pre-verbal). Another pre-verbal element that may appear in the text is the “intermediate” metaphorism. The materialization of the metaphor in the process of reception occurs when the metaphor is realized. The pre-verbal insight of the author also appears when metaphorical objects exchange signs of each other. A metaphor and an ideogram become boundary, liminal elements between pre-verbal and verbal in a work. The author of the article seeks to come closer to comprehending the presence of the pre-verbal in the work, takes steps towards solving this problem.

Keywords: metaphor, ideogram, liminality, border, pre-verbal.

По моим наблюдениям, метафора является сильным индикатором, проявляющим наличие дословесных элементов в тексте. Под дословесными автор статьи понимает элементы, участвовавшие при рождении произведения до словесного его вычерпывания, но не намеренные затем воплотиться в слове [Зейферт 2015: 22-34]. Часть из них могла «случайно» (имеется в виду закономерная «случайность» в понимании Ю. Тынянова [Тынянов 1977: 279]) сохраниться в тексте. Процесс создания художественного произведения переживает три стадии: молчание (дословесная фаза) – говорение (словесная фаза) – молчание (послеловесная фаза). Известно высказывание Осипа Мандельштама: «Пиши безобразные стихи, если сможешь, если сумеешь. Слепой узнает милое лицо, едва прикоснувшись к нему зрячими перстами, и слёзы радости, настоящей радости узнавания, брызнут из глаз его после долгой разлуки. Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова ещё нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта» [Мандельштам 1993: 215]. Анализируя стихотворение Мандельштама «Silentium», литературовед Д. И. Черашняя обозначает «тишину» как стадию рождения поэзии: «тишина, молчание как необходимое условие и предпосылка для обострения внутреннего слуха поэта и настраивания на “высокий лад”», «зарождение внутреннего звучащего образа» [Черашняя 2011: 16-17].

Дадим **определение** категории дословесного, важного для данной статьи. Дословесное – категория мышления и интуитивного прозрения, используемая для характеристики свойств элементов литературного произведения, относящихся к стадии его создания до словесного воплощения (дословесной стадии) и возможному естественному или искусственному сохранению части из них в тексте.

Обозначим **гипотезу** в данной статье. Произведение продуктивно исследовать с учётом категории «дословесное». В тексте могут бытовать ставшие словесными дословесные элементы. Метафора и идеограмма – одни из наиболее сильных индикаторов проявления дословесных элементов в тексте, они являются лиминальными элементами между дословесным и словесным в тексте. Естественное присутствие в метафоре и идеограмме дословесных элементов делает восприятие тропов сильнее. Моя гипотеза опирается на аналитическое осмысление метафоры и идеограммы: чтобы воспринять их в тексте, необходимо воссоздать в сознании эти тропы целиком: увидеть два плана метафоры, соединённые автором, и вновь соединить их, определить центр и части идеограммы. Особый интерес приобретают случаи реализации метафоры и перекрёстный обмен метафорическими признаками между двумя метафорическими объектами.

Целью статьи является анализ стихотворений новейших русских авторов с целью обнаружения дословесных элементов в зоне метафоры и идеограммы. Из цели вытекают **задачи** поиска и анализа «промежуточного» метаболы, центра идеограммы, к которому тяготеют её части, случаев реализации метафоры и обмена признаками между метафорическими предметами.

Во второй половине XX века – начале XXI века наблюдается первичное внимание к феномену метафоры. С одной стороны, метафора очень активна в поэзии: её образ различен у крупных авторов (Алексей Парщиков, Аркадий Драгомощенко, Александр Скидан, Андрей Сен-Сеньков и др.), метафора интенсивно развивается у поэтов разной величины. С другой стороны, пристальный интерес к метафоре проявляют учёные и эссеисты. Вводятся в научный оборот термины «метаметафора» (Константин Кедров) и «метаболола» (Михаил Эпштейн). Термин «метаметафора» был придуман К. Кедровым в 1978 г. Впервые суть метаметафоры в печати была объяснена автором в работе «Метаметафора Алексея Парщикова». «Метаметафора отличается от метафоры, как метagalaktika от galaktiki», в метаметафоре – «каждая вещь – вселенная» [Кедров 1984: 90-91; Кедров 1989], – пишет Константин Кедров. Главная особенность метаметафоры, по мнению К. Кедрова, – двойная инверсия внутреннего и внешнего (выворачива-

ние или инсайдаут). Метабола, по М. Эпштейну, – это «выведение в дискурс промежуточного понятия П, которое становится центральным, объединяет удалённые предметные области и создаёт непрерывный переход между ними. Формула метаболы: И \diamond П \diamond Р, где Исходное и Результирующее взаимобращаются через выведенное в текст Промежуточное» [Эпштейн 1988: 166-169], в то время как в метафоре «И – исходное слово, Р – результирующее слово, а переход от первого ко второму осуществляется через промежуточное понятие П, которое никогда в дискурсе не присутствует» [Дюбуа, Эделин 1986: 56].

Проблематики метафоры в своих эссе и письмах нередко касается Алексей Парщиков. В эссе об Александре Колдере «Вверх ногами. Метаневесомость» [Парщиков 2006: 159] он скорее размышляет о возможностях собственной метафоры, даруя Колдеру часть своей поэтики.

Эзра Паунд приходит к понятию идеограммы, части которой движутся к недостижимому центру, а не друг к другу, как в метафоре. Здесь важно не достижение центра, а энергия при движении к нему; части идеограммы словно пытаются преодолеть разрыв, делающий их соотнесённость невозможной [Паунд 1997; Чухрукидзе 1999]. Вихревое движение энергий, образующее произведение путём взаимодействия частей внутри него, Паунд определял как вихрекс. По Паунду, «вихрекс – это не просто владение техникой или какие-то навыки, это разумение и знание жизни во всей её полноте, это красота, небеса и ад, сарказм, подлинный круговорот силы и чувства» [Materer 1979]. Понятие «вихрекс» впервые появилось в 1 номере журнала «Blast» (1914), вышедшего в результате общих усилий Эзры Паунда и Уиндема Льюиса. Эрнест Феноллоза в работе о китайской идеограмме говорит об энергичном обмене между объектом и субъектом [Fenollosa 1969: 10-13] и как предшественник близок Паунду.

Ряд исследований других авторов касается интересных локальных, описательных, зачастую историко-литературных проблем в области метафоры [Темиршина 2012; Буйко 2013; Донская 2013]. Характерно, что о метафоре много пишут практикующие поэты.

В одной из своих статей, посвящённой локальному исследованию метафорики определённого поэта (Андрея Сен-Сенькова), я заявила об исследовании не метафоры, а метафорического типа мышления, под которым имела в виду «использование метафоры и близких ей тропов как основного способа поэтического мышления, ментальное сгущение метафор, насыщение ими поэтического текста, а не просто наличие метафор в поэтическом арсенале автора» [Зейферт 2015: 229]. Термин «метафорический тип мышления» вытекает из понятия «метафорический стиль». Как считает Б. В. Томашевский, «в зависимости от преоб-

ладания метафоры или метонимии можно характеризовать стиль писателя как метафорический или метонимический» [Томашевский 1996: 66]. Это утверждение восходит к гипотезе В. М. Жирмунского, о чём сообщает в комментариях к учебнику Б. В. Томашевского С. Н. Бройтман: «Идея наличия метафорического и метонимического стилей восходит к работам В. М. Жирмунского. <...> А. Блок в статье 1921 г. «Поэтика Блока» определяется им как “поэт метафоры”. В 30-е годы к понятиям метафорического и метонимического стилей обращается Р. Якобсон, характеризуя стиль Б. Пастернака как “метонимический»» (Заметки о прозе поэта Пастернака / Якобсон Р. Работы по поэтике. – М., 1987.)» [Бройтман 1996: 315].

Авторы, уделяющие активное внимание метафоре, могут относиться к разным школам и направлениям (метареализм, концептуализм, конструктивизм и др.). В настоящей статье гипотеза доказывается на **материале** лирики Алексея Парщикова, Аркадия Драгомощенко, Андрея Таврова, Владимира Аристового, Юрия Казарина, Игоря Булатовского.

Нередко консерватором дословесных элементов в тексте становится троп (метафора, идеограмма).

Так, при создании идеограммы важнейшим дословесным элементом, явленным в тексте, становится недостижимый центр, к которому стремятся части идеограммы. Этот центр обычно остаётся затекстовым, но может сохраниться в тексте. По Эзре Паунду, части идеограммы движутся к центру, но не достигают его. Таким образом, части идеограммы – элементы словесные, а сам «пустой» центр, к которому они движутся, – дословесный. Паунду можно частично возразить: части идеограммы движутся не к центру, а от центра, рождаясь от него, а приближаются к нему лишь инерционно, возвращаясь к нему.

Можно наглядно увидеть, как недостижимый центр запечатлён Аркадием Драгомощенко в «точке слияния», куда стекаются части идеограммы «жёлтое», «иней», «лев», «золото», в то время как центр, излучающий части другой идеограммы («пролёт», «ястреб», «лестница», «крыши»), остаётся затекстовым:

Иные, словно раздвинув полог, вспыхивают тенью,
чей полог невесом вполне, – от жёлтого к инею, –
в точке слияния льва с золотом.

Отвесны сети окраин.

Не описать меру усталости весенней земли,
Предчувствия запахов

(пролёт. ястреб. лестница. крыши)

[Драгомощенко 2005: 32].

(Аркадий Драгомощенко. «Вдоль всех этих чёрных деревьев...»)

А. Драгомощенко показывает здесь центр как «точку слияния» излучаемых от него энергий, то есть застаёт самое раннее, первоначальное состояние только что рождающегося произведения. При сближении или совпадении в тексте центра и его лучей, с одной стороны, парадоксальным образом максимально раздвигаются границы между творящим субъектом (биографическим автором), находящимся на самой ранней стадии зарождения вещи, и объектом изображения, всегда пребывающим в настоящем, с другой – происходит уникальное стяжение всех стадий создания произведения в «настоящее вечное», одновременное – в синхронное.

Характерно, что в этом стихотворении Драгомощенко возникает дополняющий мотивы «пустого центра» мотив «пустоты»: «Утро какой пустоты нас оденет с тобою?». «Пустое утро» – это кусочки плаценты непостижимого центра частей другой идеограммы: «архипелаги слепящие облаков», «небесные острова» и «ветер из области полуденного сечения» [Драгомощенко 2005: 32] («Вдоль всех этих чёрных деревьев...»). Тяготение к центру также усиливают мотивы тяги, дуновения, притяжения:

Тетива маятника.
Глазного яблока дрожь.
Узкий парус пустыни

[Драгомощенко 2005: 26].

(Аркадий Драгомощенко. Ослабление признака)

Изображая центр, поэты показывают его постепенный переход в абсолютную тишину, уже неслышную уху человека:

<...>

всем, что пахнет сейчас, как только что срезано, сжато,
сорвано с веток, срублено, сметено,
пахнет раем – запахом без возврата;
так, наверное, там и должно

пахнуть (как здесь), как будто идут от края
поля зрительного огромные огненные косцы,
но не двигаются, в каждом взмахе сгорая
до горького пепла, до сладкой пыльцы,

до тишины, но не той, что ставит на место
слух, вправляя вывихнутый его сустав,
а той, что для слуха находит место
в самой себе, составом его став, –

звуком, целым звуком, но не звучащим,
а зовущим всё, что ни есть вокруг,
называющим всё по имени в этой чаще,
чтоб в ответ услышать звучащий звук,

но не зовущий, а проходящий мимо,
за деревьями, в сторону той реки,
где говорят друг с другом неостановимо
только глухие камушки и немые пузырьки...

[Булатовский 2012: 77]

(Игорь Булатовский. «Все облака перепутаны – где какое...»)

Алексей Парщиков сохраняет множество субъектно-объектных ракурсов в определённом контексте:

Бегун размножит веером легко
от бёдер дополнительные ноги,
сам за собой попросится гуськом
и дышит сам себе в наспинный номер

[Парщиков 2014: 146].

(Алексей Парщиков. Стадион)

В стихотворении Владимира Аристовой сложная смена ракурсов и углов зрения – человек смотрит в глаза находящегося внутри его души, тот устремляется между глаз смотрящего и, когда они разворачиваются за ним, исчезает:

Ты включил свет в потёмках чужой души
Но чья-то рука его выключила не медля
На тебя устремились голубые глаза
этого человека

Ты успел пробежать между ними
И когда они повернули назад, ты был уже далеко

[Аристов 2015: 36]

(Владимир Аристов. «Ты включил свет...»)

Может ли лексический элемент быть остаточным, органично вросшим в завершившееся произведение, если лексика возникает уже на стадии словесного вычерпывания произведения? Дословесным элементом, отраженным в словесном полотне, может стать только предлексический, пред-словесный элемент. К примеру, сопоставительный признак между двумя объектами в метафоре, который зарождается в то время, когда произведение возникает целиком на дословесной стадии. Этот признак намеренно не вычерпывается словом и обычно остаётся затекстовым в заботе о читательском сотворчестве. Если же он сохраняется в тексте, то именно как «плацентарный» элемент.

М. Эпштейн говорит о метаболе как о метафорическом тропе, в котором наблюдается «выведение в дискурс промежуточного понятия, которое становится центральным, объединяет удалённые предметные области и создаёт непрерывный переход между ними» [Эпштейн 1988: 166-169]. Всегда ли метабола эстетически ценна? Здесь важно отличать естественное вращение в ткань произведения сопоставительного признака как момента рождения, создающее высокохудожественный контекст, и искусственное его монтирование, показывающее слабый художественный уровень. При искусственном припаивании сопоставительного признака неизменно возникает ощущение избыточности смысла, авторского многословия, закрывающее читателю сотворчество.

М. Эпштейн утверждает, что промежуточное «создаёт непрерывный переход» между сопоставляемыми объектами. Но, на мой взгляд, непрерывный переход в подлинной метафоре любого типа, в том числе метаболе, невозможен. Талантливая метабола рождает каскад разрывов, слабая – неполноценный разрыв. «Непрерывный переход» как раз возникает в художественно слабых метаболах. Можно говорить о естественном и искусственном присутствии дословесных элементов в тексте.

В своём стихотворении, посвящённом Аркадию Драгомощенко, Владимир Аристов через метаболу «лезвия слёз» показывает возможность/невозможность человеческим состраданием «вырезать» кусочек пустотного мира как пространства близости к непостижимому и отдохновения. Лексический ряд «надрез», «краснота», «порез», «ранка» обладает высокохудожественной переполненностью. Он приходит из дословесного (и именно поэтому не избыточен) и раскрывает метафору, которую при такой её исчерпанности спасает необычность.

...мир без тебя

тише и тоньше сейчас
словно бы все
лезвия слёз своих обнажили
но всё же оставили мир без надреза
и некуда закатиться, исчезнуть невинной вещи
все они, все они здесь,
сочтены

вижу, лишь лёгкая краснота
на месте том, где стоял ты
но через такой порез
не произойдёт ничего

мы соберём, собираем к себе
всех, кто летел над настурцией
всех кто
по ту сторону ранки

[Аристов 2015: 22-23]

(Владимир Аристов. «Аркадий, можно ль найти ненужный...»)

Приведём примеры высокохудожественных метаболов, метафор с двойными разрывами из поэзии Андрея Таврова («промежуточное» здесь выделено моим курсивом):

...так красный купол Флоренции год ищет совпасть с собой,
в темноте себя *улиткой*-лучом уцелев

[Тавров 2014: 147].

<...>

Там же, на *пенной* розе, охлаждающей площадь –
единственная на округу наяда...

[Тавров 2014: 155]

<...>

Вдави эти *снежки*, эти могилы с живыми, живыми
морями, рыжеволосыми, пятипальными, сапфироокими, с живыми
внутри,

вдави их друг в друга – в кулаке хрустнет бритва,
утраченная буква мира, чтоб тихо *растаять*
[Тавров 2014: 161].
(Андрей Тавров. Проект Данте. Мальчик-с-Пальчик)

Мотив улитки показывает, как можно спрятаться в самом себе. Слово «пенная» связывает розу и наяду. Таяние снежков в кулаке объясняет исчезновение буквы мира (проведём параллели с романом А. Таврова «Матрос на мачте»: сам образ «матроса на мачте» конфигурацией напоминает утраченную первую букву семитских алфавитов – алеф; изображённая в романе фигура Владимира Соловьёва и есть алеф, возвращение которого сохранит мир).

Особым случаем становится такой, когда из сферы дословесного приходит и проявляется в тексте признак, не общий для метафорических объектов, а принадлежащий одному из них и словно дарованный другому. В этом случае один объект как бы частично прорастивается из тканей другого. Он может быть окрашен в цвет другого, как в этом примере:

Долог был этот парк, и свод неба шевелился – рой синих опилок
меж полюсами магнита
[Тавров 2015].
(Андрей Тавров. Бах, или Пространство ручья)

Эпитет «синий», высокочастотный для изображения неба и крайне редкий для опилок, заполняет здесь всё пространство метафоры.

Овеществление метафоры на глазах реципиента происходит в реализации метафоры, когда метафорический образ приобретает реальные черты.

При реализации метафоры один из её элементов, живущий в воображении, тот, с которым сопоставляется реальный предмет, обретает материальные признаки, как в стихотворении Юрия Казарина:

* * *

Гуси изображают снег:
он кричит, боится – растает.
Если близко подходит зверь или человек –
он срывается и улетает.
До весны. На один на глубокий вдох
человека, воды...

И вот – Вернулся.
Обнимает небо и ждёт, чтобы Бог
улыбнулся...

[Казарин 2015: 291]

(Юрий Казарин. «Гуси изображают снег...»)

Здесь метафорический «снег» наделяется способностью таять, что приравнивается к «исчезать, улетаая (перелетая)» по отношению к птице. Возникает гибридный образ «снег-гусь», одновременно способный «кричать», «таять», «срыватьсь», «улетать до весны», «обнимать небо», «ждать». Этот цельный образ (грамматически он единственного числа и мужского рода, как снег) черпается из дословесного, из того времени и пространства, где он подлинно существует. Таким образом, субъект одновременно находится в прошлом и настоящем астрономических временах. Подобный субъект предлагаю называть гибридным.

У Алексея Парщикова в стихотворении «Реальная стена» метафорическая стена просвечивается реальными элементами («кирпичная», «кладка»), один из которых («кладка») рождает дочерний троп метафорического типа – сравнение:

Нас пересилит в будущем кирпичная эта руина –
стена, чья кладка похожа на дальнее стадо коров.
Именно стена останется, а взаимность
разбредётся по свету, не найдя постоянных углов

[Парщиков 2006: 77].

В другом стихотворении Юрия Казарина два метафорических объекта «снег» и «собака» как полюсы холода и тепла создают единый образ «горячего, рыжего, золотого» снега, «сухого огня», что возвращает метафору к дословесной, слитной фазе:

Вернёшь ли Господу рубаху –
упрёшься в стужу, как в стекло.
Погладишь снег, потом собаку –
большое рыжее тепло.

Погладишь белое над бездной,
погладишь небо с рыжиной,
сухой огонь в коробке тесной

с последней спичкой ледяной.

На корточках костёр наладишь.
Обнимешь пламя высотой.
Погладишь свет и снег погладишь –
горячий, рыжий, золотой

[Казарин 2015: 338].

Случаи и примеры проявления дословесного в тексте, безусловно, можно продолжить.

Анализ подтверждает нашу гипотезу. Один из важнейших дословесных элементов в произведении – изображённый в нём непостижимый центр, возникающий при создании идеограммы (он редко показан словесно, потому что является дословесным). Другой дословесный элемент, который может оказаться в тексте, – это «промежуточное» метаболы. Овеществление метафоры в процессе рецепции происходит при реализации метафоры. Дословесное озарение автора также проявляется, когда метафорические объекты обмениваются признаками друг друга. Метафора и идеограмма становятся рубежными, лиминальными элементами между дословесным и словесным в произведении.

Автор статьи стремится приблизиться к постижению присутствия дословесного в произведении, делает первые шаги на пути решения этой задачи.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов В. По нашему миру с тетрадью. Простодушные стихи. М., 2015. – 76 с.

Бройтман С. Н. Комментарий // Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / вступ. ст. Н. Д. Тмарченко ; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 315.

Буйко А. С. Метапоэтический космос Константина Кедрова // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 7 : в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорусский Дом печати, 2013. С. 65-68.

Булатовский И. Ласточки наконец // Новый мир. 2012. № 10. С. 77.

Донская Е. В. Метаметафоризм и образный язык современной культуры // Учёные записки Таврического федерального университета им. В.И. Вернадского. 2013. Т. 26 (65). № 4. С. 225-232.

Драгомощенко А. На берегах исключённой реки. М. : ОГИ, 2005. 80 с.

Дюбуа Ж., Эдлин Ф. и др. Общая риторика. М. : Прогресс, 1986. 392 с.

Зейферт Е. И. О процессе рождения лирического стихотворения: «внутренний образ» и «телесные слова» // Вестник РГГУ. 2015. № 2. С. 22-34.

Зейферт Е. И. Метафорический тип мышления А. Сен-Сенькова // Кормановские чтения : статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2015) / ред.-сост. Д. И. Черашня. Ижевск, 2015. С. 228-242.

Казарин Ю. Стихотворения. М., 2015. 384 с.

Кедров К. Метаметафора Алексея Парщикова // Литературная учёба. 1984. № 1. С. 90-91.

Кедров К. Поэтический космос. М. : Сов. писатель, 1989. 334 с.

Мандельштам О. Э. Слово и культура // Собрание сочинений в 4 т. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1.

Парщиков А. Ангары. М. : Наука, 2006. 234 с.

Парщиков А. М. Дирижабли. М. : Время, 2014. 224 с.

Паунд Э. Путеводитель по культуре. Сборник избранных статей / сост. К. Чухрукидзе. М. : РФО, 1997.

Тавров А. М. Проект Данте. М. : Водолей, 2014. 384 с.

Тавров А. М. Бах, или Пространство ручья // Урал. 2015. № 8.

Темиришина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия : монография. М. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2012. 290 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / вступ. ст. Н. Д. Тмарченко ; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. М. : Аспект Пресс, 1996. 334 с.

Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // История литературы. Поэтика. Кино. М., 1977. 578 с.

Черашня Д. И. Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения. Ижевск, 2011. 294 с.

Чухрукидзе К. Pound & F. M.: Логос, 1999. 176 с.

Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М. : Советский писатель, 1988. 418 с.

Fenolossa E. On a Chinese Written Character / Ed. by E. Pound. California : City Lights Books, 1969.

Maier T. Vortex: Pound, Eliot and Lewes. London : Cornell Univ. Press, 1979.

REFERENCES

Bulatovskii I. Lastochki nakonets [Swallows at last]. In Novyi mir. 2012. № 10. P. 77.

Donskaya E. V. Metametaforizm i obraznyi yazyk sovremennoi kul'tury [Metametaphorism and the figurative language of modern culture]. In Uchenye zapiski Tavricheskogo federal'nogo universiteta im V.I. Vernadskogo. 2013. T. 26 (65). № 4. P. 225-232.

Dragomoshchenko A. Na beregakh isklyuchenoii reki [On the banks of an exclusive river]. Moscow : OGI, 2005. 80 p.

Dyubua Zh, Edelin F. i dr. Obshchaya ritorika [General rhetoric]. Moscow : Progress, 1986. 392 p.

Zeifert E. I. O protsesse rozhdeniya liricheskogo stikhotvoreniya: «vnutrennii obraz» i «telesnye slova» [On the process of the birth of a lyric poem: “internal image” and “corporeal words”]. In Vestnik RGGU. 2015. № 2. P. 22-34.

Zeifert E. I. Metaforicheskii tip myshleniya A. Sen-Sen'kova [Metaphorical type of thinking of A. Sen-Senkov]. In Kormanovskie chteniya : stat'i i materialy Mezhdvuzovskoi nauchnoi konferentsii (Izhevsk, aprel' 2015) / red-sost. D. I. Chersashnyaya. Izhevsk, 2015. – P. 228-242.

Kazarin Yu. Stikhotvoreniya [Poems]. Moscow, 2015. 384 p.

Kedrov K. Metametafora Alekseye Parshchikova [Metametaphor of Alexei Parshnikov]. In Literaturnaya ucheba. 1984. № 1. P. 90-91.

Kedrov K. Poeticheskii kosmos [Poetic cosmos]. Moscow: Sov. Pisatel', 1989. 334 p.

Mandel'shtam O. E. Slovo i kul'tura [Word and culture]. In Sobranie sochinenii v 4 t. Moscow : Art-Biznes-Tsentr, 1993. T. 1.

Parshchikov A. Angary [Hangars]. Moscow : Nauka, 2006. 234 p.

Parshchikov A. M. Dirizhabli [Dirigibles]. Moscow : Vremya, 2014. 224 p.

Paund E. Putevoditel' po kul'ture. Sbornik izbrannykh statei [Culture Guide. Collection of Selected Articles] / sost. K. Chukhrukidze. Moscow : RFO, 1997.

Tavrov A. M. Proekt Dante [Project Dante]. Moscow : Vodolei, 2014. 384 p.

Tavrov A. M. Bakh, ili Prostranstvo ruch'ya [Bach, or Creek Space]. In Ural. 2015. № 8.

Temirshina O. R. Tipologiya simvolizma: Andrei Belyi i sovremennaya poeziya : monografiya [Typology of Symbolism: Andrei Bely and Modern Poetry : monograph]. Moscow : IMPE im. A.S. Griboedova, 2012. 290 p.

Tomashevskii B. V. Teoriya literatury. Poetika : ucheb. posobie / vstup. st. N. D. Tamarchenko ; komment. S. N. Broitmana pri uchastii N. D. Tamarchenko [Theory of literature. Poetics : Study Guide / Introductory article of N. D. Tamarchenko ; comments of S. N. Broitman with the participation of N. D. Tamarchenko]. Moscow : Aspekt Press, 1996. 334 p.

Tynyanov Yu. N. O literaturnoi evolyutsii [About literary evolution]. In Istoriya literatury. Poetika. Kino [History of literature. Poetics. Movie]. Moscow, 1977. 578 p.

Chersashnyaya D. I. Lirika Osipa Mandel'shtama: problema chteniya i prochteniya [Lyrics of Osip Mandelstam: the problem of reading and perusal]. Izhevsk, 2011. 294 p.

Chukhrukidze K. Pound & F. Moscow : Logos, 1999. – 176 p.

Epshtein M. Paradoksy novizny. O literaturnom razvitii XIX-XX vekov [The paradoxes of novelty. On the literary development of the twentieth and twentieth centuries]. Moscow : Sovetskii pisatel', 1988. 418 p.

Fenollosa E. On a Chinese Written Character / Ed. by E. Pound. California : City Lights Books, 1969.

Materer T. Vortex: Pound, Eliot and Lewes. London : Cornell Univ. Press, 1979.

Данные об авторе

Зейферт Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет.

Адрес: 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., 6.

E-mail: elena_seifert@list.ru

Author's information

Seifert Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities.